

Legal aspects of Muslim enlightenment in the first third of the 20th century in the North Caucasus

A. R. Navruzov¹

¹Dagestan State University, 43-a M Gadzhieva str., Makhachkala 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-198-207

Research article
Full text in Russian

At the beginning of the 20th century, in the North Caucasus, the ideas of Muslim enlightenment, which penetrated here both from the Arab East and the interior regions of Russia, became widespread. The North Caucasian reformers-enlighteners (renovationists) faced the task of adapting the Shafi'i legal system to Russian reality. Having set the task of building a new society and educating a new person, as well as understanding the importance and relevance of legal issues for the formation of the internal image and worldview of an ordinary Muslim, the North Caucasian reformers-educators in their writings and through the organs of the reformist periodical press conducted extensive educational work to clarify issues of Islamic law. They were looking for new ways of progressive development of the North Caucasian Muslim society by integrating the Muslims of the North Caucasus into the Russian legal space with the preservation and potential development of national identity.

Keywords: North Caucasian reformers-educators; fiqh; waqf; sunset; mahr; talaq; fasting; Friday sermon (khutba)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Navruzov, Amir R.	E-mail: anavruzov@rambler.ru
	Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology

Правовые аспекты мусульманского просветительства первой трети XX в. на Северном Кавказе

А. Р. Наврузов¹

¹Дагестанский государственный университет, ул. М Гаджиева, 43-а, Махачкала, 367000, Республика Дагестан, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-198-207
УДК 29+930.85(470.67)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В начале XX в. на Северном Кавказе идеи мусульманского просветительства, проникавшие сюда как с арабского Востока, так и внутренних районов России, получили широкое распространение. Северокавказские реформаторы-просветители (обновленцы) стремились адаптировать шафиитскую правовую систему к российской действительности. Поставив задачу построения нового общества и воспитания нового человека, а также понимая важность и актуальность правовых вопросов для формирования внутреннего облика и мировоззрения рядового мусульманина, северокавказские реформаторы-просветители в своих сочинениях и через органы реформаторской периодической печати вели широкую просветительскую работу по разъяснению вопросов мусульманского права. Они искали новые пути прогрессивного развития северокавказского мусульманского общества путем интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство с сохранением и потенциальным развитием национальной идентичности.

Ключевые слова: северокавказские реформаторы-просветители; фикх; вакф; закят; махр; талак; пост; пятничная проповедь (хутба)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наврузов, Амир Рамазанович	E-mail: anavruzov@rambler.ru Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела востоковедения (ИИАЭ ДФИЦ РАН); доцент кафедры арабского языка (Дагестанский государственный университет)
-------------------------------	--

Начало XX в. характеризуется проникновением и распространением исламских реформаторских просветительских идей на Северном Кавказе, которые проникали сюда как с арабского Востока, так и внутренних регионов России, что усиливается с развитием в регионе книгопечатания. В 1903 г. Мухаммадмирза Мавраев, просветитель и талантливый предприниматель,

создает в Темир-Хан-Шуре исламскую типографию, что положило начало массовому производству книжной продукции с использованием арабской графики. Распространению мусульманских просветительских идей способствовали культурно-просветительские общества, созданные за счет средств джама'атов, садака (пожертвований), заката, завещаний, вакфов, а также пресса на арабском и национальных языках. В первой трети XX в. в регионе складываются группы единомышленников, объединенных идеей возрождения ценностей ислама среди народов Северного Кавказа в рамках российской государственности.

Для северокавказских реформаторов просвещение умов и совершенствование человека и общества составляли стержень жизненной программы. Они были поборниками европеизации общества при сохранении национального своеобразия на основе «чистого» ислама [1, с. 83–84]. Программа деятельности северокавказских реформаторов-просветителей (обновленцев) была многосторонней и включала многие вопросы: реформы исламского образования; богословские проблемы ислама, среди которых важное место занимала критика суфизма; борьба с устаревшими адатами, вопросы эмансипации женщин и др.

Особое место отводилось правовым аспектам ислама, в частности реформе мусульманского права (*фикха*). Северокавказские реформаторы-просветители ставили перед собой задачу адаптировать правовую систему к российской действительности в период интеграции Кавказа в Российскую империю. Усиление контактов северокавказских мусульман-шафиитов с мусульманами-ханафитами, обусловленное ссылкой во внутренние районы Российской империи, а также выездом с целью заработка или учебы, где они плотно контактировали с мусульманами Волго-Уральского региона, требовали обсуждения и дальнейшего развития религиозно-правовых принципов *таклида*¹ и *иджтихада*² [2, с. 12–13].

Особенностью Северного Кавказа было то, что, в силу относительно малого развития здесь рыночных отношений, «традиционные юридические нормы в рамках законов империи вполне успешно обслуживали нужды северокавказских народов» [3, с. 193]. Поэтому здесь складывалась ситуация, когда некоторые правовые вопросы, «обсуждаемые дагестанскими и северокавказскими правоведами, сохраняли свою актуальность на протяжении нескольких веков. На них не оказали никакого влияние политические перемены: ни российские реформы в колониальный период, ни ранние советские преобразования. В ряде частных юридических заключений, которые охватывают несколько столетий, отсутствует влияние какой-то бы ни было политической системы» [2, с. 21].

¹ Таклид (араб. традиция) – следование какому-либо из предшествующих имамов основателей 4 мазхабов (Ибн Малик, аш-Шафии, Абу Ханифа, Ибн Ахмад) во всех религиозных делах и светских сношениях.

² Термин *иджтихад* означает приложение *факихом* (знанок мусульманского права) своих усилий в выведении практических заповедей из подробных доказательств.

Руководствуясь своими программными установками по построению нового общества и воспитанию нового человека, понимая важность и актуальность правовых вопросов для формирования внутреннего облика и мировоззрения рядового мусульманина, северокавказские просветители в своих сочинениях и через органы реформаторской периодической печати (газета «Джаридат Дагистан»³, журнал «Байан ал-хака'ик»⁴) активно дискутировали по вопросам мусульманского права.

Одним из часто обсуждаемых вопросов был вопрос правильного использования вакфов. В вопросах вакфов критика в основном была сосредоточена на неправильном расходовании вакуфных средств, так как они распределялись как среди бедных, так и среди богатых людей, которые в них совсем не нуждались [4, с. 4], или когда ученые-факихи выносили отрицательные решения относительно строительства или обновления мечетей на землях общественного пользования, таких как дороги и др., даже если это диктовалось неотложными интересами общества [5, с. 4].

Лидер реформаторского движения Северного Кавказа Али Каяев⁵ замечал, что дагестанцы в первое десятилетие XX в. стали часто завещать имущество на благотворительные цели в качестве вакфов. Однако они продолжали действовать по старинке: неправильно выбирали банки для этого, не вкладывали средства в развитие образования, оплату труда ученых и учителей, поддержку *мутааллимов* (обучающихся), бедняков, сирот и несчастных. Большая часть средств расходовалась на кормление служи-

³ «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 – «Дагестан») – общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Причеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором до 19 января 1918 г. был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, являвшимся вначале неофициальным, а с 19 января 1918 г. официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, она, благодаря А. Каяеву, Б. Саидову, М. Мавраеву и её наиболее активным подписчикам и авторам статей, стала площадкой по распространению мусульманских просветительских идей на Северном Кавказе.

⁴ «Байан ал-хака'ик» (араб. «Разъяснение [шариатских] истин») – советский общественно-политический, научно-популярный, религиозный журнал. Издавался на арабском языке с сентября 1925 г. по август 1928 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР (планировался как ежемесячный, фактически выходил раз в три – четыре месяца). Тираж – 1000–1050 экземпляров. Ответственный редактор – Абусуфьян Акаев из Нижнего Казанища, члены редколлегии: Йусуф-кади из Нижнего Дженгутая, Хаджи-кади из из Нижнего Казанища, Билал-Хаджи из Нижнего Дженгутая, Мустафа-кади из Нижнего Казанища и Хизри из Нижнего Казанища. Печатался в типолитографии Даггосиздата имени Е. Г. Гоголева. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей (обновленцев), способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводившиеся советским правительством.

⁵ А. Каяев (1878–1943) – историк, педагог и просветитель Северного Кавказа конца XIX – первой половины XX века.

телей мечетей. Бывало и такое, что еда и продукты, приобретаемые на доходы от вакфов, порой из-за их неправильного использования портились и отдавались на корм домашней скотине [5, с. 4].

Другая важная связанная с вакфами проблема – это продажа или переориентация действующего вакфа, с тем чтобы вакф продолжал приносить пользу. Приводится случай, когда торговцы желали купить старые ковры, отданные по вакфу мечети по цене, за которую можно было купить такие же новые, и делать это каждый раз до того, как они износятся, чтобы не прекратилось воздаяние от вакфодателя. Для этого нужно было только вынести соответствующее юридическое решение (*фетву*) кадием, которое он считал запретным выносить. И таких примеров было множество [6, с. 3].

А. Каяев считал, что нет никакого упоминания не только в Коране и Сунне, но и в «иджма»⁶ и в «кийасе»⁷, где был бы запрет на продажу вакфа, чтобы купить за стоимость проданного то, что является вчетверо больше, взамен предыдущего вакфа. Более того, он считал, что разрешается продажа вакфа в правильных целях, которые имеют длительность и непрерывность [7, с. 147].

А. Каяев, будучи имамом Гази-Кумуха⁸, по мере возможностей старался решать и исправлять запутанные вопросы по вакфам. Мы можем привести пример обращения к нему как к ученому (*алиму*) для решения вопроса по вакфу Председателя шариатского подотдела Народного комиссариата юстиции ДАССР Османова Османа от 10 марта 1922 г. Он писал, что в селе имеются отданные в вакф сельхозугодия, по условиям которого доходы с них должны быть направлены в мечети для разговенья соблюдающих пост в месяц рамадан. Жители селения хотели переориентировать их на нужды медресе. Некоторые ученые села считали, что условие вакфодателя является основой использования вакфа и его нельзя изменить, не говоря уже об использовании вакфа на другие цели. Другие возражали, что можно изменить (нарушить) условие вакфа и расходовать его на другие цели при условии, если это является полезней и выгодней для вакфодателя и вакфополучателя. Осман Османов просит А. Каяева написать фетву для обоснования изменения содержания вакфа, чтобы обе стороны остались удовлетворенными. Он «рассматривает данный случай как повсеместно распространенное явление, решение которого было бы в пользу общины (*уммы*)» [7, с. 147, 217–218.].

Вопрос уплаты заката с бумажных денег присутствовал и среди обсуждаемых правовых вопросов. На какие только ухищрения и уловки ни пускались люди, чтобы только не платить закат. Так, например, некоторые

⁶ Иджма – согласие, единодушное мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу, один из источников (усул) мусульманского права (фикха).

⁷ Кийас – суждение по аналогии, один из источников мусульманского права, наряду с Кораном, Сунной и иджма⁶.

⁸ Газикумух (ныне Кумух) – село в Республике Дагестан, административный центр Лакского района.

ученые выдумывали различные хитрости, а именно когда приходит время уплаты заката, дарят (до истечения года) свое имущество другому, а потом, после истечения срока уплаты, просят передарить его (подаренное имущество) назад. Якобы в таком случае это освобождает владельца имущества от уплаты заката на это имущество. По мнению А. Каяева, они нарушают не только один из пяти столпов ислама, но и совершают другой грех – мошенничество по отношению к религии Аллаха [8, с. 3–4].

Опубликованные в номерах газеты статьи вызвали оживленные споры. Одни приняли их с одобрением, другие отвергали изложенные в них взгляды. Среди первых были такие ученые, как Хаджи Шамсутдин Чеченский, Саййид Абубакар Шатойский, Ибрахим, сын Мухаммада из Хаджалмахов [9, с. 4].

Особенно острая полемика состоялась между Гамзатом ал-Чаркаси и А. Каяевым [10, с. 3–4], а также между кадием Гамзатом Цадасой и Али Каяевым [11, с.4]. Али Каяев считал, что бумажные деньги или банкноты выпущены Российским государством и обеспечены золотом: это своеобразные государственные долговые обязательства, владельцу которых следует платить закат с них, причем как с золота, так и серебра [12, с. 3].

Вызывал живой интерес у северокавказских реформаторов-просветителей и вопрос законности установления размера *махра*⁹ и практики превышения его. В своем ответе на него дагестанский реформатор и просветитель Назир ад-Дургили ат-Туни, ссылаясь на имама Малика, имама Ахмада, сподвижников Абу Ханифы и других, писал, что установление размера махра по шариату разрешено. Но богатые люди неправомерно применяют эту норму (нарушают её) шариата и постоянно увеличивают размер махра. [13, с. 7–8], так что многие мусульмане из-за это не могут создать свои семьи. Хуже всего то, что большинство людей считают, что так и положено по шариату. Дагестанский ученый Мухаммад, сын Нурмагомед ал-Аракани, опровергает это мнение, считая, что превышение в размере махра категорически запрещено; он призывает ученых, чтобы они своим советом способствовали устранению такого бедствия, распространившегося среди людей [14, с. 16].

Активно дискутировался северокавказскими реформаторами-просветителями также вопрос запрета изображения человека в исламе. А. Каяев писал, что шариат не против запрета изображений, если это диктуется интересами и потребностями людей, и против, если им поклоняются, наряду с Аллахом Всевышним, что имело место среди дагестанских муридов, которые поклонялись портретам (изображениям) своих шейхов и шейхов своих шейхов перед тем, как войти в состояние экстаза. Северокавказские реформаторы-просветители считали это язычеством, то есть недопустимым [15, с. 4].

⁹ Махр – в исламском семейном праве, имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака.

В номере журнала опубликована статья известного реформатора Мухаммада Абдо¹⁰. Он считал, что «шариат не запрещает изображения человека в виде рисунков, портретов и памятников». Главный редактор журнала Абусуфьян Акаев соглашался с ним в этом вопросе [16, с. 90].

Бурную полемику вызвал вопрос мусульманского развода (*талак*). Согласно шариату, развод считается состоявшимся после трехкратного единовременного произнесения мужем формулы развода. Однако египетские реформаторы во главе с М. Абдо считали, что трехкратный *талак* не имеет силы, если происходит разом: они считали это за один раз. По их мнению, чтобы развод считать действительным, формула развода должна была произнесена трижды в разные промежутки времени. Дагестанскими последователями египетских реформаторов относительно трехкратной формулы развода (*талак*) являлись А. Каюев и его ученики [2, с. 22; 17]. Остальные придерживались общепринятой точки зрения. Среди них можно назвать Йусуф ал-Джункути [18, с. 13–15], Назир ад-Дургели, Джамаладдин ал-Гарабудаги, Абусуфьян ал-Газаничи и др. [19, с. 78–79].

Вопрос повторения полуденной пятничной молитвы до сих пор является местом противоречий среди ученых, по которому не прекращаются диспуты в мечетях Дагестана. Последний такой диспут состоялся в 1996 г. между шейхом Бахаудином из Аварии, представителем вахабитского течения, и дагестанским суфийским шейхом Саййид Мухаммадом из Хуштады в одной из мечетей города Хасавюрта республики Дагестан. Вопрос также активно обсуждался в 1920-х гг. на страницах мусульманской периодической печати.

Как считал дагестанский ученый Муртада из с. Кудали, такое повторение необходимо только для подтверждения правильности совершенной молитвы [7, с. 131–133; 20, с. 4]. А. Каюев писал, что ученые разделились по этому вопросу на враждебные партии и группировки [21, с. 3–4] главным образом из-за того, что не опирались на источники, Коран, Сунну Пророка, книги по фикху. Как и многие просветители, А. Каюев был против повторения пятничной молитвы [7, с. 133–135; 22, с. 4].

Другой вопрос, вызвавший оживленную дискуссию реформаторов-просветителей, – на каком языке читать пятничную проповедь (*хутбу*)? Об этом писали на страницах газеты читатель Абу Мухаммад Касим ал-Алахи Хаджи Хусейн [23, с. 4] и дагестанские просветители: Ахмед Курди из Кумуха [24, с. 4], Маджид ал-Кабарди ал-Фанзави [25, с. 4], Мас'уд из Могоха [26, с. 4].

¹⁰ Мухаммад Абдо (1849–1905) – богослов и общественный деятель Египта. Ученик и соратник Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897). С 1899 г. муфтий Египта. Отвергал следование (таклид) поздним религиозным авторитетам и противопоставлял ему иджтихад в самом широком толковании. Так, по его мнению, для каждого исторического периода необходима самостоятельная трактовка Корана, отвечающая условиям времени.

Один из читателей газеты – Салих, сын Ахмеда Эфенди ал-Кахи¹¹ – считал, что пятничную проповедь условно можно разделить на две составные части. Первую (упоминание и приветствие) читают обычно по-арабски (даже если присутствующие не понимают арабского языка). Вторая часть – наставление – читается на языке слушающих (или же переводится с языка, читающего проповедь через переводчика на местный язык). Главное, чтобы её смысл был понятен слушающим [7, с. 142; 27, с. 4].

Один из активных подписчиков журнала Мухаммад Салих ал-Халимбекаули писал, что среди ученых, проповедующих с кафедр в мечетях, обращающихся с проповедями к простым невежественным людям на арабском языке, встречаются те, кто ничего не замечает. Самые невежественные во время хутбы дремлют, спят, совершают пятничную ритуальную молитву, разговаривая во сне, по причине их скуки (отвращения) к голосу проповедника. Младшие из их числа играют и беседуют между собой, употребляя скверные фразы, невозможные в магометанском шариате.

Светские разговоры в мечети запретны, особенно во время хутбы, считает автор [28, с. 13–14]. В своем ответе редакция журнала отмечает, что задача проповеди будет достигнута, если наставление будет читаться на понятном для людей местном языке [28, с. 15].

Важным вопросом для обсуждения просветителями был вопрос соблюдения мусульманами поста в месяц рамадан. А. Каяев писал, что мудрость установления поста не в изморе тела голодом и водой, а в умении управлять собой, своими помыслами и желаниями, в побуждении держащего пост к состраданию к бедным [7, с. 150; 29, с. 4]. В другой статье газеты цитируется отрывок из сочинения выдающегося средневекового персидского ученого, философа и врача Ибн Сины (980–1037) «*Мурид ал-хулки 'ила тарик ал-хакки*», где обосновывается пост с точки зрения медицины с объяснением процессов оздоровления, происходящих в организме во время голодания и др. [30, с. 4].

Мы коснулись здесь только незначительной части правовых вопросов и взглядов северокавказских мусульманских реформаторов-просветителей. В действительности, в первой трети XX в. их было большое количество. Их обсуждали устно и на страницах мусульманской реформаторской периодической печати позднего имперского и раннего советского периодов вплоть до конца 1920-х годов [3, с. 50]. Для реформаторского переосмысления религиозных доктрин на Востоке была характерна двоякая направленность: модернизаторская с национальной спецификой и охранительная с ориентацией на сохранение старых религиозных установок и традиций [1, с. 94].

Для северокавказских реформаторов-просветителей (обновленцев) была характерна модернизаторская направленность с целью «приспособления» религии путем нахождения и истолкования новых путей прогрес-

¹¹ Ал-Кахи – сел. Кахиб в Шамильском районе Республики Дагестан.

сивного развития во имя интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство с сохранением и развитием потенциальной национальной идентичности. Для них это была попытка доказать и утвердить жизненность и прогрессивность ислама в индустриальную эпоху.

Как ни кажется парадоксальным, многие вопросы правового комплекса, такие как *иджитихад* и *таклид*, повторение полуденной пятничной молитвы, на каком языке читать *хутбу* (пятничную проповедь), соблюдение поста в месяц рамадан и др., поднимаемые и обсуждаемые в первой трети XX в., снова стали востребованными среди мусульман Северного Кавказа на современном этапе. Сегодня северокавказское общество переживает процессы реисламизации уже на новом витке своего исторического развития, и эти вопросы вновь появляются, ставятся и активно обсуждаются в северокавказских научных и общественных кругах. Основная цель научных и общественных поисков – найти решение указанных выше правовых аспектов ислама в рамках современного научного знания, социального и культурного развития страны.

Ссылки

1. Левин З. И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 245 с.
2. Шихалиев Ш. Ш., Шехмагомедов М. Г. Фикх в исламском дискурсе дагестанских улемов: Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследование: хрестоматия / В. О. Бобровников, М. Г. Шехмагомедов, Ш. Ш. Шихалиев; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб: Президентская библиотека, 2017. 319 с.
3. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования / Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2005. 240 с.
4. Ali al-Gumuki. *Idaat amval al-vasaya fi Gazikumuh // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1914. № 38. С. 4. (in Arabic).
5. Ali al-Gumuki. *Tajdid al-masajid va binauha fi al-Harim // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1914. № 37. С. 4. (in Arabic).
6. Ali al-Gumuki. *Avkafuna // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1916. № 49. С. 3–4. (in Arabic).
7. Наврузов А. Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов / Российская академия наук, Дагестанский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии. М.: Марджани, 2012. 240 с.
8. Ali al-Gumuki. *Laysa din al-Lahi bi-l-hiyal fa'takid ya rakid al-mukill // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1913. № 18. С. 3–4. (in Arabic).
9. Ali al-Gumuki. *Avda ila mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1916. № 7. С. 4. (in Arabic).
10. Ali al-Gumuki va al-Haji Hamzat al-Charkasi. *Munazara Hamza va Ali fi mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917. № 6, 7, 8. С. 3–4. (in Arabic).

11. Ali al-Gumuki va al-Haji bn Mahamm al-Avari. Avada ila mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 27, 28, 29. С. 4. (in Arabic).
12. Ali bn Abduhamid al-Gumuki. Al-avrak al-nakdiyya // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. № 37. С. 3–4. (in Arabic).
13. Nazir ad-Durgeli at-Tuni. At-Tas'ir va muhur al-Nisa' // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1928. № 11. С. 7–8. (in Arabic).
14. Muhammad Nurmuhhammad al-Harakani. Al-vugalat fi al-muhur // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1928. № 11. С. 16. (in Arabic).
15. Ali al-Gumuki. At-tasfir va at-Tasavir // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. № 50. С. 4. (in Arabic).
16. Наврузов А. Р. Мухаммад Абдо о запрете изображений человека в исламе (по материалам арабоязычного журнала «Баян ал-хакик»). Исламоведение. 2010. № 2. С. 21–26.
17. Али б. Абд ал-Хамид ал-Гумуки. Ат-Талак // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. ФМС. Оп. 1. № 50. Л. 1а – 7б.
18. Yusuf bn Husayn al-Junkuti. Fi mas'alat at-Talak // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1926. № 5. С. 13–15. (in Arabic).
19. А. Р. Шихсаидов, Х. А. Омаров. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. С. 78–79.
20. Murtada'ali // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1913. № 25. С. 3–4. (in Arabic).
21. Ali al-Gumuki. Al-Jum'a va i'adat al-Zuhr ba'duha // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 12. С. 3–4. (in Arabic).
22. Ali al-Gumuki. Al-Jum'a va i'adat al-Zuhr ba'duha // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 13. С. 4. (in Arabic).
23. Abu Muhammad Kasim al-Alahi Haji Husayn. Fi Hakki al-Hutba bi gayri al-arabiyya. Idara // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 34. С. 4. (in Arabic).
24. Ahmad al-Kurdi al-Gumuki. Makala fi al-Hutba // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 21. С. 4. (in Arabic).
25. Majid al-Kabardi al-Fanzavi. Al-Hutba bi-gayri al-arabiyya // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 45. С. 4. (in Arabic).
26. Mac'ud al-Muhuhi. Al-avd ila mas'alat al-Hutba // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 26. С. 4. (in Arabic).
27. Salih bn Ahmad Efendi al-Kahi. Iddat suture fi hakki al-Hutba // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 50. С. 4. (in Arabic).
28. Muhammad Salih al-Halinbekauli. Makala fi hakki al-Hutba al-Arabiyya. Al-Idara // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1927. № 10. С. 13–15. (in Arabic).
29. Ali al-Gumuki. Li maza fard as-Savm // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1914. № 28. С. 4. (in Arabic).
30. Hikmat as-Savm va fava'iduhu // Jariyat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. № 27. С. 4. (in Arabic).